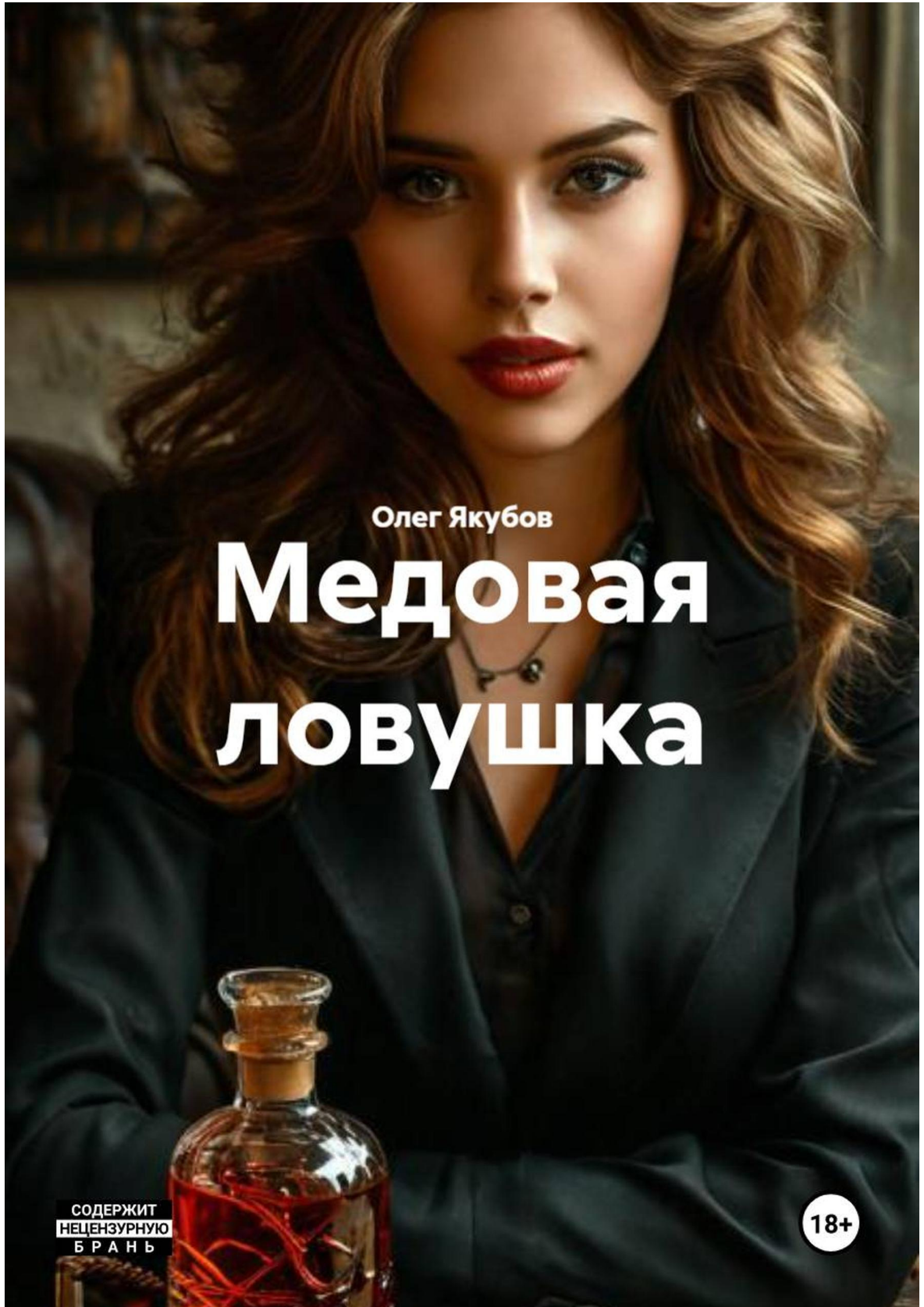

Олег Якубов

Медовая ловушка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Якубов

Медовая ловушка

«Автор»

2026

Якубов О. А.

Медовая ловушка / О. А. Якубов — «Автор», 2026

Под оперативным псевдонимом Лицедей далеко за пределами своей родины действует агент-нелегал. Проникая в святая святых секретов западных разведок, Лицедей добывает бесценную для безопасности своей страны информацию. На этом опасном пути разведчик рискует собственной жизнью, если надо - ликвидирует своих врагов. Никому и в голову не приходит, что под этим псевдонимом действует молодая красивая женщина, которая для достижения цели пускает в ход весь арсенал своих чар.

© Якубов О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Олег Якубов

Медовая ловушка

Пролог

Достав из тайника микроскопический контейнер, она неприметным со стороны жестом упрятала его за пушистый меховой манжет коротенького жакета. Движение было многократно отрепетировано и теперь девушка осталась довольна собой – первый этап операции прошел безукоризненно. Она понятия не имела, что находилось внутри контейнера. Да ей, обычной связной, и не положено было этого знать. Её дело простое: получил – передал – забыл.

Включив мобильный телефон, девушка проворковала условную фразу:

- Милый, я спешу к тебе навстречу.

- Объект номер два, через час, - услышала ответ, и приказ, - сразу после разговора извлеки симку, и от симки, и от телефона избавься.; обязательно в разных местах.

Связная извлекла из аппарата сим-карту, изломав, швырнула в урну. Метров через сто, замедлив шаг у сточной решётки, она хотела выбросить туда телефон, но, покрутив в руках, положила обратно в сумочку – этот новейшей модели аппарат она приобрела всего три дня назад, таких еще и не видывала. «Без симки никто его не запеленгует», уредила сама себя связная, совершив тем самым первую, но уже непоправимую, ошибку.

Через час в уличном кафе она увидела молодого мужчину, фотографию которого ей показали три дня назад в Центре. Чмокнув его в щеку, девушка опустилась на противоположный стул, незаметно положив под лежащую на столе салфетку контейнер. Она уже совсем было собралась произнести какую-нибудь ничего не значащую фразу, но тут мужчина вскочил, сгреб салфетку, одними губами изобразил беззвучное «уйди!» и ринулся из кафе прочь.

Читать по губам она научилась еще в спецшколе, а сигнал тревоги в глазах агента был столь очевиден, что она не стала мешкать. Поблизости находился уже знакомый ей торговый центр, где на втором этаже расположился магазин фешенебельного женского белья. Туда она и устремилась. Похватав без разбору кучу бюстгалтеров, каких-то маечек и топики, скрылась в примерочной. И только здесь, опустившись за плотной шторой на мягкий пуфик, перевела дыхание.

«Что могло произойти? Почему агент сорвался так стремительно? Видно, увидел что-то такое, что заставило его прервать встречу и предупредить её об опасности» - лихорадочные мысли перебивали одна другую, роились скопом, мешая спокойно и беспристрастно проанализировать ситуацию.

Проведя в примерочной не менее получаса, девушка оплатила какую-то совершенно ненужную ей покупку и, немного успокоившись, занялась тем, что предписывала в таких случаях инструкция. Блуждая по громадному торговому центру, где было полно зеркал и блестящих витрин, она убедилась, что «хвоста» за ней нет. «Вероятно, опасность угрожала только агенту, а не ей, связной», сделала она неверный вывод, совершая тем самым еще одну, еще более грубую, ошибку. Третья, и в этой цепи уже последняя ошибка, заключалась в том, что она не попыталась улететь из этой страны тотчас, а отправилась в гостиницу, где в два часа ночи с треском завершилось первое задание разведчицы – её арестовали.

В отличие от связной-неумехи, агент-нелегал был разведчиком опытным и первым делом избавился от контейнера с микроплёнкой, оставив своих преследователей без главной улики. С полгода и разведчика и его связную промурыжили в сытой европейской тюрьме, где при наличии денег на банковском счету можно заказывать любые продукты с доставкой прямо в

камеру. Потом последовала недолгая процедура депортации, лейтенанта Никитину и майора Чепелева разными бортами выдворили на родину. В отличие от своей незадачливой связной, провалившей всё дело из-за нежелания расстаться с модной игрушкой, майор понимал, что их быстрое освобождение – отнюдь не следствием демократических норм и уж тем более не отсутствием улик и доказательств, а результат вмешательства неких неведомых ему сил. Сидя в самолетном кресле у прохода в последнем ряду, возле туалета, как и положено депортируемому лицу, майор размышлял о своей незавидной участи. И хотя он уже знал, что Никитина по женской дурости не избавилась от мобильного телефона и не поспешила убраться из страны, а вместо этого отправилась в гостиницу, Чепелев понимал, что шишки обрушатся на его голову. А уж если девица станет отрицать, что он велел ей избавиться от телефона, то дела его тогда будут уж куда как плохи. В Москве майора никто не встречал, доехав из Шереметьева на аэроэкспрессе до города, он, после недолгих размышлений, отправился не в управление, а домой, где принял душ, а затем, оглушив себя бутылкой водки, завалился в кровать, провалившись в тяжелый сон. Утром привел себя в порядок, прибыл по месту службы, где его ждали решения руководства, куда более тяжелые, чем даже Чепелев предвидел.

Лейтенант Никитина вернулась в родной город днем раньше. У самого люка аэробуса ее ожидали двое – моложавая, чуть располневшая, но все еще стройная дама в изысканном костюме и невзрачный коренастый мужчина, из тех, на ком взгляду зацепиться не за что. Мужчина шагнул ей навстречу, произнес негромко: «полковник Плешаков». Девушка, словно и не слыша, обошла его и ткнулась головой в плечо матери. Та в свою очередь, чтобы не повредить губную помаду обозначила имитацию поцелуя. Впрочем, сцена показной нежности между матерью и дочкой была недолгой. Полковник попытался вякнуть что-то вроде того, что де товарища лейтенанта ожидает руководство, но маман пресекла его попытку самым решительным образом: «Товарища лейтенанта ожидает на даче её отец», твердо, хорошо поставленным голосом бывшего комсомольского вожака, заявила она и все же сменила гнев на милость:

- Вам, полковник, беспокоиться не о чем, ваше руководство в курсе. Кстати, генерал-полковник Леонтьев тоже вечером будет у нас в Горках. Так что вы на сегодня свободны.

- Спасибо, Наталья Леонидовна, - поклонился он матери, - до свиданья, Елена Николаевна, - выпалил Плешаков прилетевшей сотруднице и мгновенно растворился среди пассажиров, с явным облегчением покидая аэропорт.

Выйдя из здания аэровокзала, мать подвела девушку к припаркованной новенькой перламутрово-алой спортивной машине. Длинная, словно распластанная, она отозвалась мелодичным пиликаньем.

- Папин подарок, - пояснила Наталья Леонидовна, протягивая дочери ключи на замысловатом брелоке. – Если хочешь, можешь сама сесть за руль.

Отец, верный своим привычкам, вышел из кабинета лишь через полчаса после приезда жены и дочери. И хотя они не виделись несколько месяцев, его приветствие было более чем сдержанным – в этой семье проявление эмоций никогда не было в чести. Функционер из высшего эшелона государственной власти, Николай Сергеевич Никитин никогда не забывал о своём высоком положении, ну, а окружающим такая крамольная мысль и в голову прийти не могла. Во время обеда за столом в основном царил молчание. Вышколенный официант менял блюда, наполнял бокалы. Чаше других – бокал Натальи Леонидовны. Николай Сергеевич головы в сторону жены не поворачивал. Её пристрастие к алкоголю с каждым годом становилось всё сильнее. Но из-за стола она всегда уходила вовремя, пока ноги держали и можно было контролировать твердую походку. Лишь оказавшись в своей комнате, где запасов спиртного было в избытке, надиралась в хлам.

Их сосед по даче генерал-полковник Службы внешней разведки Виталий Владимирович Леонтьев поспел к концу обеда.

- Не обессудьте, Николай Сергеевич, - проговорил он извиняющимся тоном, заехал исключительно потому, что обещал. Ни минуты свободной, - проговорил генерал, и, не присаживаясь к столу, одним махом влил в себя фужер коньяку, помотал вилкой над маринованными грибочками, квашеной капусточкой, зацепил в итоге икорки и, уже обращаясь к Елене, произнёс несколько рубленых фраз:

- Завтра в 10.00 в управлении. В кабинет к моему заму, генералу Шадрину. Форма одежды – парадный офицерский мундир. – при этом он смотрел не в глаза, а куда-то в переносицу своей собеседнице, так что уловить хоть что-нибудь в его взгляде было невозможно.

...В кабинете генерала Шадрина находилось еще несколько старших офицеров. Известный пижон Шадрин, слывший записным сердцеедом, попал в СВР неведомыми путями. Политическая воля, как и человеческая глупость в глобальном понимании, границ, как известно, не имеет. В силу этих ли, а может, каких-либо иных обстоятельств, Станислав Станиславович был вознесён до генеральского чина и оказался в святой святых системы безопасности страны. Понятно, что к оперативной работе «игрушечного генерала» (это обидное прозвище приклеили ему с момента появления в службе) не подпускали и на пушечный выстрел. Шадрин в основном – представительствовал. Понаторев на комсомольской работе в пустых по содержанию, но складных и красивых по форме речах, он предавался этому занятию самозабвенно. Специально «для представительства» генерал пошил себе парадный мундир из ткани какого-то особого цвета – таких мундиров ни в вооруженных силах, ни в системе милиции или госбезопасности отродясь никто не выдывал. Именно из-за этого одеяния с генералом произошел однажды курьез, о котором, добавляя всё новые и новые подробности, судачили по всем главам и управлениям грозной системы.

Дело было так. Шадрин присутствовал на встрече ветеранов Отечественной войны. Как всегда, произнес взволнованную речь, потом с бокалом коньяка прохаживался с важным видом по залу, переходя от одной компании к другой. Подошел к группе отставных генералов, уже изрядно захмелевших. Один из стариков долго шурил близорукие глаза на диковинный мундир, а потом все же спросил:

- Вы, голубчик, из каких будете? Из музыкантов?..

К сегодняшней утренней встрече Станислав Станиславович готовился не без волнения. Кадровик, предоставив ему официальные документы для оглашения, не вдаваясь в подробности биографии, счел необходимым заметить, что прибывшая из-за рубежа лейтенант диво как хороша. И ведь не обманул, старый пройдоха.

Едва Никитина переступила порог генеральского кабинета, у ловеласа дыхание перехватило от восторга. Стройная фигурка, высокая грудь, точеные ножки, открытые для обзора явно не по уставу укороченной форменной юбкой, которая, казалось, вот-вот лопнет на упругих бедрах. Лицо девушки обрамляли черно-смоляные волосы, а огромные глаза были ярко синего цвета – сочетание необычное и потому особо привлекательное. Справившись с нахлынувшим на него волнением, генерал взял со стола папку и официальным тоном зачитал:

- Приказом директора лейтенанту Никитиной Елене Николаевне досрочно присвоено звание «старший лейтенант». Указом президента старший лейтенант Никитина за выполнение особо важного задания Родины награждается орденом...».

Генерал шагнул к девушке. Можно было просто протянуть ей коробочку с орденом, но Станислав Станиславович предпочел собственноручно прикрепить награду к парадному кителю старшего лейтенанта.

Лена почувствовала как тяжелая ладонь легла ей на грудь и явно задержалась, чуть сжимаясь. «Ах ты старый козёл, промелькнуло у неё в голове и колено правой ноги аж зудеть

начало, так хотелось ей садануть ему в промежность. Но внешне ничем не выдав своих эмоций, она лишь слегка отстранилась и четко произнесла: «Служу России!»

- Господа офицеры, предлагаю наполнить бокалы и поздравить нашего боевого товарища, - на этот раз Шадрину было не до пространных речей, он торопился остаться с красавицей наедине.

Как только они остались в кабинете вдвоем, генерал распахнул неприметную дверь, ведущую в комнату отдыха. Лена направилась туда без колебаний, уже ясно предвидя, чем все закончится. Самовлюбленный же болван истолковал всё по-своему и решил, что с очарованной его величием девчонкой церемониться нечего.

- Жалеешь, генерал, что меня сегодня не двумя орденами наградили? – нарочито развязным тоном спросила девушка.

- В каком смысле? – опешил Шадрин.

- Ну, как же, - рассмеялась та. – Было бы два ордена можно было бы на обе стороны груди повесить и обе титьки потискать. Я же видела, ты там, в кабинете, пока железку прикручивал, да грудь мою оглаживал, чуть не кончил, бедненький.

...В спецшколе, где училась Никитина, девушек было трое. Инструктор рукопашного боя с «медовыми ловушками» проводил индивидуальные занятия. Наставляя, как прервать, в случае необходимости, чересчур назойливые ухаживания, инструктор резюмировал урок: «коленом в пах и тут же, разогнутой ногой ниже, пяткой, да так, чтобы его глазуня всмятку превратилась. В самую жидкую. Так бей, чтобы у него не только в яйцах, но и в башке всё перемешалось. А потом делай, что хочешь. Нужно убить – убей, нужно уйти – уходи. Он уже возражать не будет.

Удара в пах генералу, когда он пошел в «лобовую атаку», хватило, чтобы свалиться на ковер и взвыть, корчась от боли. Лена одернула юбку, поправила причёску и направилась к выходу. Генерал смотрел на неё непонимающим взглядом.

- Прощайте, Станислав Станиславович. Наверное, больше не увидимся. Иду рапорт писать, - чуть задержалась на пороге девушка. – А вы, товарищ генерал, на рынок «Садовод» езжайте, тяпки всякие и рассаду закупайте. В этот кабинет вы вряд ли вернетесь. У себя на дачке, в огороде теперь грядками командовать будете.

Глава первая

Как люди становятся шпионами, или, скажем благороднее, разведчиками? Большинство, наверное, все же по призванию. Увлеченные романтикой, которой овеяна эта, полная тайн и опасностей профессия. Кто-то, конечно, и в силу необходимости, по принуждению, или, например, поддавшись на шантаж. Всяко в жизни бывает.

Лена Никитина с самого раннего возраста обожала подглядывать и подслушивать. Ничто не доставляло ей такого удовольствия, как узнать то, что люди хотели скрыть. Никаких видимых дивидендов малышка от этого своего увлечения не имела, да и не искала, шпионила, как говорится, из любви к чистому искусству. Впрочем, до поры до времени. До той самой поры, пока не осознала, что содержимым её необычной, но такой драгоценной копилки нет цены. Вернее, цена есть, и довольно выгодная. Так что уже пора понемножечку пользоваться.

Первый эксперимент шантажа оказался успешным. Своё имя, особенно с сочетанием отчества она возненавидела с четвертого класса. К ним тогда пришла новая учительница, которую, теперь уже и не вспомнишь, за что именно, невзлюбил весь класс. Никитина – особенно. Звали ту учительницу Елена Николаевна. И хотя, понятно, дети в том розовом возрасте друга друга по имени-отчеству не величают, малолетка аж задыхалась от ярости, что она полная тёзка с ненавистной училкой. После недолгих размышлений, отвергнув несколько производных от имени Лена, она решила, что называть её отныне будут Ляля. Класс новое имя соученицы воспринял было спокойно, но воспротивилась вечная выскочка и признанный лидер Лана. Светлана, которую все с первого класса называли не иначе, как Лана, усмотрела в этом некое посягательство на свой приоритет.

Никитина размышляла недолго. Отозвав конкурентку на перемене в сторонку, спросила напрямую: «Хочешь, чтобы весь класс про вашу машину узнал?»

В этой элитной школе, где учились только дети высокопоставленных чиновников и всяких знаменитостей, ценности были особые; иным так и не понять.

Лана-Светлана, как и все остальные сверстники, приезжала в школу на машине. Автомобиль был не из роскошных, так, среднего класса «тойотка». Возле школьного порога, водитель открывал для своей пассажирки заднюю дверь, Лана выходила и удалялась, не удосужив мужчину ни словом, ни кивком. Одноклассникам она с некоторой долей сожаления, но вполне искренним тоном сетовала: «Папа у меня со странностями. Машину с водителем за мной, конечно, закрепил, но считает, что «тойоты» мне, пока я не стану круглой отличницей, вполне достаточно. А мне плевать на чем меня возят, буду я еще из-за этого корячиться над учебниками, - фыркала Лана, которая в чрезмерном усердии замечена никогда не была.

Одноклассники солидарно кивали. И только Лена-Ляля знала, что всю эту историю ланка выдумала. Никакой машины с водителем никто за ней не закреплял, по той самой причине, что её отцу по должности ни машины, ни водителя самому-то не полагалось. Дочь в эту престижную школу устроил его всесильный шеф, после многочисленных просьб своего помощника, его унижений, пресмыканий и полного подбострастия перед начальником. Любящий папаша сам, управляя личным автомобилем, привозил дочурку в школу и исправно, по требованию строгой супруги, изображал вышколенного персонального водителя. Мать Ланы и легенду про «строгое воспитание» дочери изобрела. Никому и в голову не приходило усомниться в этом. Никому, кроме Ляли, которая до подлинной правды, одной ей ведомыми путями докопалась.

Лана, когда поняла, что обман может быть раскрыт, долго смотрела на Никитину расширенными от ужаса глазами, которые наполнились слезами. Она всё поняла сразу и только сумела из себя выдавить: «Нет, Лялечка, не хочу.

- Ну что это за нежности – «Лялечка», мы же подруги, я для тебя Ляля, Лялька, - торжествовала она победу.

Фильм режиссера Люка Бессона «Никита» смотрели всем классом на даче родителей Антона. После уроков (в этот день, что было большой редкостью!, на занятия явился весь их класс), к школе подкатил огромный автобус, в котором они вольготно разместились. На первом этаже дачи был свой собственный кинотеатр. Не какой-нибудь уголок с большим экраном, а отдельный просторный зал с мягкими глубокими креслами; у одной из стен стояло несколько столиков и даже была барная стойка с напитками. На ребят картина особого впечатления не произвела. Настрой был не тот, в кино в любой день сбежать можно. Они отвлекались, шумели, мальчишки то и дело бегали к барной стойке, с неиссякаемым энтузиазмом опустошая бутылки с колой и другими прохладительными напитками – спиртное детям родители Антона запретили подавать категорически. А вот Ляля от экрана глаз не отрывала. Едва фильм закончился, она подошла к телефону, позвонила своей гувернантке и приказным тоном распорядилась: «купи мне кассету с фильмом «Никита». Да-да, именно «Никита» с ударением на последней букве «а». Режиссер Люк Бессон, производство Франция-Италия. Нет, приеду не скоро, так что ты успеешь». Она твердо решила посмотреть картину уже дома, где никто мешать и отвлекать не будет. До сих пор в шпионских и приключенческих фильмах ей приходилось видеть только героев-мужчин. Как правило, это были супермены, типа Сильвестра Сталлоне или Шварценеггера, а тут – хрупкая девчонка, которая, пройдя обучение в спецшколе агентов, сама стала киллером.

Женщина-агент поразила её воображение настолько, что она стала выискивать похожие персонажи в других фильмах и книгах. Увы, их было немного. Самая знаменитая из шпионок – Мата Хари особого впечатления на Ляльку не произвела; мисс Марпл и вовсе не оставила в душе никакого следа. А вот эпизоды, где описывалась в романе Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить» разведчица Пилар Суарес, она перечитывала раз за разом, мысленно сравнивая себя с красавицей-испанкой.

Ляля была девочкой читающей. В отличие от большинства сверстников, она прекрасно знала русскую литературу, Пушкина так просто обожала. Роман «Евгений Онегин» почитала произведением непревзойденным. Однажды в школе из-за этого у неё даже конфликт произошел.

Класс писал сочинение на стандартную для того времени обучения тему «Онегин – лишний человек». Никитина написала: «Пушкина не троньте, не вам судить его героев. А Онегин был, есть и останется человеком нужным, а не лишним.», закрыла тетрадь и положила на учительский стол. Учительница сей выпад, понятное дело, отнесла на свой счёт, распахнулась, но, впрочем, быстро и уgomонилась. А что она могла поделать? Родителей учеников в этой школе вызывать было не принято, они сами могли кого угодно к себе вызвать... Учительница, правда, нервно восклицала в кабинете директора, что де сам товарищ Сталин не гнушался в своё время наведываться в школу, где его сын Василий учился. Но директор этот выпад оставил без внимания.

Но с некоторых пор книжные пристрастия Ляльки кардинально изменились. Лишь на Пушкина рука не поднялась, томик «Евгения Онегина» остался стоять на полке. Остальные же классики уступили место писателям детективного жанра, как отечественным, так и зарубежным. Даже в этом хаотичном и бессистемном чтении она, не осознанно, но интуитивно безошибочно выискивала крупицы профессионального опыта. Это была её личная школа. Своё будущее девушка теперь видела совершенно отчетливо. И не сомневалась в правильности выбора.

Дело оставалось за малым – проверить собственные способности на практике. Свой выбор Ляля Никитина остановила на школьном учителе рисования, или, как принято было говорить в их школе – изобразительного искусства.

Выпускника Суриковского училища Владислава Зиновьевича Манякина привел в школу лично директор. Большой ценитель живописи, известный на Москве коллекционер картин рус-

ских художников начала XX века, директор школы считал, что главное дать детям эстетическое воспитание. Основам физики, математики и иных точных наук можно объяснить и научить, а вот восприятие прекрасного нужно в душе лишь ПОСЕЯТЬ. Владислав был сыном добрых друзей директора. Манякины издавна славились как большие знатоки живописи и обладатели поистине уникальной коллекции репродукций. У них в роду были неплохие художники, чьи полотна в своё время охотно раскупались. Но на отпрыске, как часто случается, природа решила отдохнуть. В Суриковском Владик Манякин так долго считался вундеркиндом, что обленился окончательно. Без устали он пил дешёвое крепленое вино, ухаживал за девушками, красиво говоря об искусстве и рассказывая о художниках средневековья, как о своих близких приятелях. Работа в школе его обременяла не сильно, а зарплата была вполне приличной для того, чтобы не кланяться у родителей денег каждую неделю.

На его уроках, до поры до времени, Лялька в основном читала книжки, почти не прислушиваясь к тому, о чем вещал этот краснобай в потрепанных и давно уже немодных джинсах. Так было до той поры, пока она не решила сделать преподавателя своим подопытным кроликом.

На первом этапе этого необычного эксперимента девчонка устроила учителю «гляделки». Отложив книгу, она во время урока не сводила с Манякина пристального взгляда. Наконец, он это почувствовал: «Никитина, вы что-то спросить хотите?»

- Нет-нет, Владислав Захарович. Вы так интересно рассказываете, что я просто заслушалась.

Класс захихикал: «Никита (после просмотра знаменитого фильма её все чаще называли этим прозвищем, чему она не противилась) опять какую-то поганку заворачивает, на что она большая мастерица». Но девушка говорила таким искренним тоном и так ясен был взгляд её синих глаз, что неискушенный в школьных интригах Манякин подвоха не почувствовал.

Не откладывая дела в долгий ящик, Ляля после урока преградила путь учителю, когда он выходил из класса:

- Владислав Захарович, а кто из художников средневековья считался лучшим портретистом? – спросила она.

- Понимаешь, Никитина, в Средние века портретное искусство из-за строгих церковных канонов было чуть ли не под запретом. Разве что нидерландец Корнелис де Лион, который большую часть прожил во Франции, осмеливался нарушать эти законы. Но его портреты были малюсенькими, величиной не больше нынешней почтовой открытки, - с ходу завёлся несостоявшийся художник.

В это время, на чем Лялька и строила свой расчет, прозвучал звонок, ученики из коридора хлынули в класс.

- Ах, как жаль, - разочарованно протянула девушка. – вы так интересно рассказываете...

В своих расчетах она не ошиблась. Учитель топтался после окончания занятий в школьном дворе, явно её поджидая. Она мгновенно оценила ситуацию, понимая, что он не рискнет подойти к ней первой. «Надо дяденьке помочь», решила она и направилась к Манякину.

- Вы мне можете посоветовать, какие посмотреть альбомы и какие экспозиции в наших музеях, чтобы лучше понять особенности портретной живописи. Меня это очень интересует.

- В Третьяковке, в Русском музее, конечно, есть прекрасные полотна, альбомов вообще множество, даже не знаю, что вам порекомендовать в первую очередь. Я могу, если хотите, к следующему занятию принести несколько альбомов из дому, у меня есть очень редкие репродукции, еще дед начинал коллекционировать.

- Ну, это, наверное, не совсем удобно, - возразила Ляля. - Я даже от кого-то слышала о коллекции вашего деда. Не потащите же вы её в школу. А посмотреть хочется. Хотя я знаю, что истинные коллекционеры не очень-то любят пускать в дом посторонних.

- НУ что вы, что вы! Если есть желание приобщиться к прекрасному, как говорится, милости просим. Как только время найдете. – никакого подвоха в словах ученицы он не почувствовал.

- Так зачем же откладывать? Я могу хоть сейчас. Заодно и вас до дому довезем. Диктуйте адрес, - Ляля решительно взяла Манякина за руку и подвела к машине, где её уже поджидал шофер. В отличии от отца обманщицы Ланы-Светланы, старший Никитин вполне мог себе позволить закрепить за дочерью персональный автомобиль.

В отношениях с учителем Манякиным никаких экспромтов не было. Ляля готовилась к проведению полноценной спецоперации, где были тщательно продуманы мельчайшие детали действий, отдельные фразы и слова, одежда, нижнее белье, макияж. Прочитав огромное количество книг и посмотрев все возможные фильмы о разведчиках, Ляля уже хорошо была знакома с термином «медовая ловушка». Медовой ловушкой, как вычитала она в одном из изданий, называлась «практика спецслужб, связанная с использованием романтических и сексуальных отношений в политических целях, включая шпионаж. «Медовая ловушка» заключается в установлении контакта сексуального характера с человеком, который интересует спецслужбы в качестве источника информации».

Лет примерно с тринадцати девушка уже отчетливо осознавала, что внешне выгодно отличается от большинства своих сверстниц – спасибо мамочке-красавице. Смоляные волосы, так выгодно контрастирующие с ними ярко синие глаза, великолепная фигура, все это делало ее необыкновенно привлекательной. Готовя себя к будущей деятельности шпионки, слово «разведчица» ей почему-то было не по душе, казалось слишком громоздким и претенциозным, Лялька прекрасно осознавала, что её внешность может стать одним из самых сильных оружий её арсенала. Этическая сторона её не беспокоила вовсе. Сделав для себя такой вывод, объектом особого внимания она выбрала собственную мать, пристально теперь наблюдая за её поведением, манерой ходить, разговаривать, одеваться. Увлеченная карьерой и бурной личной жизнью, мать уделяла подрастающей дочери не слишком много внимания, полагая, что девочка еще слишком мала, чтобы посвящать её в детали взрослой женской жизни. Четко осознавая, что мать ей не советчица, Лялька на неё и не рассчитывала. Оставшись дома одна, она пробиралась к матери в спальню (родители уже давно спали в разных комнатах), тщательно осматривала полки с одеждой, пристальное изучая содержимое ящиков с косметикой, нижним бельем. Поимом всего прочего, она ставила перед собой и еще одну немаловажную цель – осматривать, перебирать и даже примеривать какие-то вещи из материнского гардероба следовало так, чтобы это оставалось незаметным. Открывая тот или иной ящик, она сначала подолгу изучала, в каком порядке расположено в нём содержимое, вещи возвращала на свои места, развернутые туалеты складывала потом складочка к складочке. Надо сказать, этот опыт не раз сослужил ей хорошую службу впоследствии.

Собираясь проверить свои чары на учителе рисования, ей пришлось на пару дней отложить задуманное. Надо было дожидаться, когда мать уедет в очередную недолгую командировку, чтобы безнаказанно воспользоваться её нижним бельём – покупать себе такие откровенно интимно-эротические вещи она сочла рискованным – водитель мог настучать отцу, что дочь посещает столь специфические магазины.

Манякин даже не понял, как это всё произошло. Он просто голову потерял, когда Ляlecka спросила, может ли он написать её обнаженной и, не дожидаясь ответа, стала раздеваться. Внутренний голос робко пискнул ему: «что ты делаешь, безумец, она же несовершеннолетняя, её родители разотрут тебя в пыль», но похотливые руки, губы уже тянулись к этому восхитительному, податливому телу. Он как сквозь сон услышал рассудительный голос: «не забывай об осторожности», и ощутил у себя в ладони глянцевый квадратный пакетик, который

судорожно открывал непослушными пальцами. Потом он долго лежал с закрытыми глазами, в изнеможении, не в состоянии привести в порядок дыхание.

- Тебе нужно поменьше курить, а лучше совсем бросить, и заняться физкультурой,- услышал он спокойный голос. Такой спокойный, будто они не были только что единым целым, а просто по парку прогуливались.

- А ты? Тебе хорошо было? Я что же, у тебя первый?! – он наконец разлепил глаза и вскочил, обхватив голову руками, осознавая, что произошло.

- Слишком много вопросов. Мне по порядку отвечать? – обрушился на него леденящий душ равнодушного голоса. – Давай вечер вопросов и ответов перенесем на другой раз. Лучше помоги мне застегнуть эти крючки.

Владислав хотел что-то возразить, еще о чем-то спросить её, но она уже приблизилась, повернулась спиной нарочито задев хлястиками бюстгалтера его лицо и он, обняв её плечи, не в силах был больше произнести ни слова.

По дороге домой она думала не о том, что всего несколько минут назад стала женщиной и что теперь в ней самой многое должно измениться, её больше беспокоило иное состояние. Лялька с интересом, как с каким-то посторонним существом, разбиралась в собственных эмоциях. Она больше всего опасалась не боли, девчонки-старшеклассницы рассказывали, что первый раз больно будет обязательно. Нет, больше боли она боялась, что сама потеряет голову от происходящего, что станет от кого-то зависимой. И теперь с нескрываемым и отчетливым удовлетворением думала о том, что ничего подобного с ней, к счастью, не произошло. Больно было, но совсем недолго, никаких особых эмоций она не испытала, а вот то, что машина постоянно в пробках застревает – это плохо, уж очень хочется поскорее ванну принять, какой-то он неопрятный, этот художник, да и обслонявил всю своими поцелуями.

Водитель, увидев в зеркальце недовольную гримасу своей зачастую капризной пассажирки, принял её недовольство на свой счет и увеличил скорость.

Через неделю она знала об учителях, директоре школы, завучах все, что знал про их личную жизнь Манякин, пересказывающий ей теперь школьные сплетни и секреты. Исчерпав все его познания, она решила провести еще один эксперимент и попросила принести ей на пару часов журнал десятого «Б» класса. Учитель хотел было поинтересоваться, зачем ей, девятикласснице, журнал другого класса, но вопрос был погашен поцелуем и больше не возникал. Принесенный журнал она даже не открыла, ей это было ни к чему. Просто нужно было убедиться, до какой степени она сделала покорным своей воле этого мужчину. В тот момент, когда Ляля Никитина возвращала Владиславу Манякину школьный журнал, этот человек для неё существовать перестал. «Отработанный материал», таков был ему вынесен циничный приговор. Эксперимент удачно завершен. Её личная «медовая ловушка» сработала безотказно.

Отец на неделю уехал в Великобританию. Вернулся домой с подарками. Вручая дочери дорожную сумочку, словно впервые, а может, и впрямь впервые, увидел, как она изменилась.

- Тебе в этом году поступать, или в следующем? Я что-то запутался, - спросил он своим обычным равнодушным тоном.

Лялька не обиделась, давно уже привыкла к такому невниманию родителя.

- В будущем. Так что у тебя еще есть время подготовиться, - пошутила она.

- К чему подготовиться, - не понял отец. – Не надо никому готовиться. Только не забудь предупредить заранее. Ты вообще-то где намерена учиться, у нас, или в Европе? А может, на Америку нацелилась?

- Какие еще варианты?

- Лю-бы-е, - хохотнул Николай Сергеевич самодовольно. – Твой дед, а мой отец заложил такой фундамент, на котором я построил нашу семейную крепость. Мне бы сейчас не пришлось

перед ним краснеть, - произнёс он растроганно. Лялька взглянула на родителя с нескрываемым интересом, таким она своего отца видела впервые.

Глава вторая

Первого сентября, в перерыве между установочной лекцией и первой парой, к Сергею подошел паренек, облаченный в строгий темно-синий костюм-тройку. Воротничок белоснежной сорочки отливал гляncем, галстук в белую крапинку, начищенные до блеска ботинки, да к тому же ранние залысины дополняли всем знакомый облик вождя мирового пролетариата. Но обратился он к Сереге запросто:

- Ты ведь Сергей Никитин из Ставрополя, не ошибаюсь? – и протянул руку. – Виктор Лаборешных, комсорг факультета, учусь на пятом курсе. Сегодня после занятий проведем комсомольское собрание. Надо избрать бюро комитета комсомола вашего курса и комсорга.

- Именно сегодня, может, хотя бы завтра? – засомневался Никитин. – А то мы как-то не готовы. - Будущие юристы, пока шла установочная лекция, обменивались записками, хотели после занятий собраться, пойти в кафе-мороженое, девчонок с курса позвать, познакомиться друг с другом поближе...

- Нет-нет, - энергично запротестовал Лаборешных. – Курс ни единого дня не должен оставаться без комсомольского руководства. Неужели не понимаешь всей важности момента? А я на тебя рассчитывал.

- На меня? - удивился Сергей.

- На тебя, на тебя. Я внимательно ознакомился с личными делами первокурсников, имею такое право, - добавил он, придав голосу особую важность, - составил список и обсудил с кем положено кандидатуры будущих членов бюро первого курса юрфака. Вот погляди, - он протянул Сергею отпечатанный на пишущей машинке листок, - Сергей Никитин, - Виктор чиркнул ногтем, - ты, как видишь, на втором месте. В школе был комсоргом, кому, как ни тебе, и в университете активно заниматься комсомольской работой.

- Не пойму все же, от меня-то ты чего хочешь, согласия, что ли? Изберут ребята в бюро, буду работать...

- Ну, ты чудак, - перебил его комсорг и передразнил, растягивая слово, - из-бе-рут. Вы же друг друга не знаете, отдай ситуацию на самотёк, вы такого наизбираете, мамочки мои! Я же тебе толкую: мы составили и утвердили предварительный список. Хотя я убежден - комсомольцы поверят вышестоящему избранному бюро своего факультета. В конце-концов, в этом и заключается принцип демократического централизма, что и зафиксировано в уставе ВЛКСМ, - назидательно поднял палец Лаборешных. - Но ты, Сергей, вопрос ставишь абсолютно правильно. Да, мне от тебя нужно, чтобы ты после того, как будет избрано бюро, рекомендовал на должность комсорга курса Михаила Горбачева, тем более, что вы земляки.

- Да при чем тут земляки? Мы даже не знакомы. И почему именно Горбачева?

- А ты что против? Самая подходящая среди вас кандидатура. Золотой медалист, без пяти минут член КПСС, орденом Трудового Красного Знамени награжден; сам понимаешь, в таком возрасте за просто так и кому попало такие высокие награды не дают. К тому же из вашего Ставропольского крайкома ВЛКСМ прислали нам письмо-характеристику, где убедительно рекомендуют использовать товарища Горбачёва на руководящей комсомольской работе. Или ты не согласен с мнением своей бывшей комсомольской организацией?

- Да что ты меня за Советскую власть агитируешь?!- вспыхнул Сергей. – Согласен я, согласен. Предложу кандидатуру Михаила. Да так предложу, что ни у кого сомнений не останется в правильности выбора.

- Вот это по-нашему, по-комсомольски, - обрадовался комсорг.

В общежитии Сергей Никитин и Михаил Горбачев жили сначала в соседних комнатах. После первого семестра, когда ребята мало-мальски узнали, пригляделись друг к другу, многие менялись местами, они тоже перебрались в одну комнату.

Серёга жадно впитывал в себя столичную жизнь. На правах члена бюро курса он частенько заглядывал в факультетский комитет комсомола, где можно было пожить бесплатно билетами на интересные выставки, лекции, выступления современных поэтов, а то и на спектакль в театр, куда и за деньги-то билета не достанешь. Если удавалось раздобыть парочку пропусков, Никитин непременно звал с собой нового друга-земляка. Но Горбачев чаще всего отказывался.

- Мне, Сергуня, и так суток не хватает, - пояснял он. – Лекции, семинары, комсомольская работа, да и почитать хочется. - И он кивал головой на стопку книг, где преобладали труды Ленина.

Об этом увлечении первокурсника, как и о нескрываемом стремлении закончить университет с красным дипломом, на юрфаке МГУ уже знали все. И если над этой страстью кто-то подтрунивал, Михаил возражал спокойно, без раздражения, но твёрдо: «Мы часто повторяем, что нашу партию возглавлял гениальный вождь. А в чем была его гениальность не задумываемся, воспринимаем, как аксиому. Мне кажется, я это понял. У Владимира Ильича есть ответы на все вопросы жизни, на все без исключения. Надо только уметь его читать правильно.

Он был на редкость, не по годам, обстоятельным и рассудительным. Держался особняком, ни с кем особенно не сближался, но ребята знали, что если нужно попросить конспект, помочь подтянуться по какому-то предмету - Миша никогда не откажет. А то, что он игнорировал их студенческие забавы, с этим смирились легко – вольному воля, его отсутствие веселья никому не портило.

И все же на втором курсе Серега затащил товарища на общеуниверситетский бал, посвященный началу нового учебного года. Было весело, шумно, безалаберно. Серега чувствовал себя, как рыба в воде. Товарищ же явно томился, и, похоже, собирался улизнуть. Раз за разом огибая зал, Сергей уже давно заметил девушку: даже не внешний вид, а её смех привлек его внимание. Она смеялась, откидывая назад голову с легкими пышными волосами и смех у неё был какой-то необычный, будто невидимые колокольчики звенели. Девчонки стояли у стены вдвоём, почему-то никто не приглашал их на танец. Возможно, причиной была подружка хохотуны. Невысокого роста, с аккуратной, волосок к волоску, темно-русой прической; немного вытянутое лицо с четко очерченными скулами. Она выглядела очень привлекательной. Но глаза были настолько строгими, что, видимо, поэтому никому и не хватало решимости пригласить эту девушку на танец. К тому же, в отличие от всех девчонок, пришедших на бал в ярких нарядах из лёгких тканей, на девушке был строгий серый костюм – прямая юбка ниже колен, застегнутый жакет. Её собственного облика наряд не портил, но на бесшабашном студенческом празднике выглядел по меньшей мере странновато.

«Девчонки, наверное, с филфака, надо познакомиться. Сразу приглашу смешливую танцевать, а Мишка пусть этой недотроге Ильича цитирует, решил про себя Сергей и, ничего не объясняя потащил друга за рукав.

Подойдя к подружке Михаил уставился на незнакомку, не сводя с неё глаз и словно ошеломленный. Затянувшееся молчание становилось уже неприличным и Серега, взяв инициативу на себя, беззаботным тоном затараторил:

- У моего друга из-за вас могут быть серьезные неприятности. Он сейчас получил от нашего факультета общественное задание – немедленно пригласить на танец двух девушек с дружественного филфака, которые почему-то весь вечер скучают. Если с заданием Миша не справится, ему обеспечено общественное порицание. Надеюсь, вы этого не допустите...

Хохотушка, как и следовало ожидать, беззаботно рассмеялась, её же строгая подружка всего лишь улыбнулась, очень, при этом доброй улыбкой:

- Конечно, не допустим. Но почему вы решили, что мы с филфака? Мы с философского... А не танцуем потому, что у нас принцип – не танцевать с незнакомыми молодыми людьми, а мы здесь никого не знаем. Вот сейчас с вами познакомимся и будет с кем потанцевать.

«Ну, надо же, какой бойкой оказалась, а с виду такая царевна-несмеяна, про себя удивился Никитин и поспешил представиться: моего друга зовут Михаил, а я Сергей. Второй курс юрфака.

- Раиса, - представилась девушка. - А мою подругу можно называть Зизи. Ей так нравится.

- Почему «Зизи»? – впервые подал голос до сих хранивший молчание Михаил.

- Я Зи-на Зи-мина, - беззаботно улыбаясь, пояснила девушка. – сокращенно Зизи. Меня все так зовут, еще с четвертого класса школы. Даже дома привыкли. Только бабуле не нравится...

Решительно взяв Зизи за руку, Сергей тем самым прервал её монолог и без слов увлек девчонку в круг танцующих. Они без усталости кружились танец за танцем, не пропуская ни одной мелодии. И во время танцев говорили без умолку, словно встретились после долгой разлуки и спешили как можно больше рассказать друг о друге. Через час Сергею казалось, что он знает эту замечательную девушку уже очень давно. Потом они ненадолго отправились в буфет, но очередь к стойке с напитками была такой, что молодые люди предпочли вернуться в зал. Поискали Михаила с Раисой, не нашли, снова танцевали. Постепенно в зале становилось народу все меньше и наконец голос ведущего объявил, что исполняется последняя мелодия вечера. Среди оставшихся Раисы и Горбачева они не увидели, подождали несколько минут у входа – всё также безуспешно. Был уже двенадцатый час ночи.

- Не маленькие, не потеряются. А тебя я до дому провожу, - решительно предложил Сергей.

- Мне далековато, на Преображенку. Как потом обратно доберешься? – обеспокоилась Зизи.

- Доберусь, не пропаду. Я, в общем, Москву уже неплохо знаю, - беспечно отозвался он. – Давай еще погуляем...

- Я только домой позвоню, предупрежу, чтобы не беспокоились, - Зизи потянула его к будке телефона-автомата, стоящей поблизости.

Через год Михаил Горбачев и Раиса Титаренко поженились. Свидетелями в ЗАГСе были, естественно, Михаил Никитин и Зинаида Зимина. Хотели сыграть две свадьбы сразу, но в тот год скончалась бабушка Зизи, решили, что негоже праздновать, когда в доме траур. Сергей настаивать на своём не стал – какая разница, годом раньше, годом позже. Оба не сомневались, что уже всегда будут вместе.

Перед распределением друзья чуть было не поссорились. Горбачевы уезжали в Ставрополь. Коренная сибирячка Раиса не возражала. Во-первых, куда иголка, туда и нитка, а семейные устои были для неё святы. А во-вторых, своим прагматичным умом она прекрасно понимала, что перед её мужем открываются карьерные перспективы поистине необозримые. Пожалуй, понимала даже лучше, чем её избранник, который в томах политической литературы ориентировался куда лучше, чем в лабиринтах практической жизни.

Михаил уже знал, что ему, новоиспеченному юристу, после возвращения в родной город, предстоит работа не в правоохранительных органах, а в отделе пропаганды Ставропольского крайкома комсомола.

Сергей же твердо решил остаться в аспирантуре, хотя попасть ему туда было ох как непросто.

- Ты не понимаешь, - горячился обычно спокойный и уравновешенный Горбачев, увещевая друга ехать с ним вместе. – Для тебя аспирантура – это всего лишь возможность остаться в Москве. Ну, посуди сам, какой из тебя доктор наук, профессор? А прозябать обычным канди-

датом, читать лекции студентам – ну извини, это слишком мелко. Пойми ты, юрфак МГУ – это не просто узко профессиональная подготовка, это настоящая кузница руководящих кадров. За нами будущее. И если уж тебе так необходима Москва, а это вполне понятно, то через пять лет ты сюда вернешься на белом коне. И не сам приедешь, чтобы пороги обивать, а позовут и попросят: «пожалуйста, Сергей Николаевич, не откажите, Сергей Николаевич».

- Ну, хорошо, а что я, по-твоему, буду делать в Ставрополе? Меня в отличии от тебя, даже инструктором никто не зовет. Идти в милицию, в прокуратуру, если возьмут?

- Для начала поработаешь, куда примут – диплом МГУ прекрасный пропуск в будущее, а в нашем Ставрополе тем более. Ну, а потом... Предоставь мне заботу о твоём будущем, - Горбачев замялся. Даже самому близкому другу он не имел права говорить о том, что, кроме него, знала одна только Рая – от неё у Михаила секретов не было.

За месяц до распределения Михаила вызвали на Старую площадь. О вызове ему сообщил не больше не меньше как первый секретарь парткома МГУ. Впервые переступая порог штаб-квартиры ЦК КПСС, Михаил только тут сообразил, что понятия не имеет, кто с ним будет разговаривать. Кабинет на первом этаже был невелик, ничего лишнего – канцелярский стол, ковровая дорожка, несколько стульев. Вот только телефонные аппараты, аж четыре, были особенные, таких ему до сих пор видеть не приходилось. На приставной тумбочке – еще один телефон, какого-то неопределенного цвета, без наборного диска, но с ярким гербом СССР посередине.

Его собеседнику, на взгляд, было лет пятьдесят с небольшим. Их разговор затянулась на добрых два часа, никак не меньше. С удивлением Михаил убедился, что его собственную биографию, начиная с детских лет, сотрудник ЦК знает не хуже, чем он сам.

- Должность инструктора крайкома комсомола для вас даже не трамплин, а не более, чем необходимая запись в трудовой книжке. А дальше, - и он нарисовал такие перспективы, от которых у молодого человека дух захватило. - И запомните, Михаил Сергеевич, - сказал ему на прощание собеседник, задержав надолго его ладонь в подчеркнuto крепком рукопожатии. – Красный диплом МГУ – это, конечно, хорошо, как и глубокие знания всех трудов Владимира Ильича Ленина, которые делают вам честь. Но мы остановили выбор на вас потому, что у вас безукоризненная, кристально чистая и, можно сказать, показательная биография молодого коммуниста. Такого, которому поверят массы. И вы уж постарайтесь эту биографию и мнение старших товарищей о вас ничем не подпортить. А мы за вами будем присматривать. Пристально.

Прошло больше двадцати лет. Проректор академии общественных наук при ЦК КПСС профессор Сергей Николаевич Никитин вместе с супругой Зинаидой Васильевной спешил на подмосковную правительственную резиденцию. По приглашению друга юности и однокашника Миши, Михаила Сергеевича Горбачева, утвержденного вчера на пленуме секретарем ЦК КПСС. Собственно, звонил не Сам лично, но и не помощник. Позвонила Зинаиде Раиса Максимовна. На удивление беззаботным голосом, так ей несвойственным, спросила: «Зизи, ты меня помнишь?». И любезно, «от имени Михаила Сергеевича лично (слово «лично» было подчеркнuto, а как же иначе для секретаря ЦК?) и, конечно, же от себя тоже, пригласила их в гости. Встреча была дружеской, как принято говорить в таких случаях, неформальной. Газеты о ней, понятное дело, не сообщали. Хотя для обеих семей, как показали дальнейшие события, сыграла роль немаловажную.

Глава третья

Встретившись в Москве со своим однокашником по юрфаку, Горбачев руководствовался отнюдь не сентиментальными мотивами. Ему и в голову не приходило предаваться воспоминаниям о былой юности, с умилением глядя на друга, то и дело восклицая: «А помнишь? А помнишь?...» Прагматик и циник до мозга костей, как и все, без исключения, профессиональные политики, он оценивал, приближал или отдалял от себя людей только по степени их нужности. Стремительно, до головокружения, поднимаясь вверх по партийной лестнице, будущего генсека и хозяина огромной страны не сильно волновало, как сложилась судьба однокурсника – не до того было. Но как-то раз, приехав по партийным делам из Ставрополя в Москву, в одном из кабинетов на Старой площади Михаил Сергеевич услышал знакомую фамилию. При этом весьма ответственный работник ЦК КПСС говорил о Никитине с таким нескрываемым почтением, что не оставить этот факт без внимания было бы верхом легкомыслия. А в легкомыслии Михаил Сергеевич, как говорится, замечен никогда не был.

...Научная карьера Сергея Никитина поначалу и впрямь не сложилась. Он уже не раз подумывал о том, что зря не послушался своего ставропольского земляка Мишу Горбачева и не отправился вслед за ним на периферию. Тема кандидатской диссертации, которую ему навязали на кафедре по принципу «на тебе, Боже, что мне негоже», была инертной и никчемной, для науки никакого интереса не представляла и научный руководитель откладывал защиту раз за разом.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба, не вмешайся его величество Случай. Аспирант Никитин оказался на семинаре, организованном для братских компартий развивающихся стран, где ему поручили опекать министра юстиции одной из бывших французских колоний. Министром, двадцативосьмилетним двухметровым африканцем, оказался бывший выпускник Казанского университета. Бойко лопоча по-русски, то и дело смешно перемежая свою речь татарскими словами, Кваме Дрогба, охотно, и не без юмора, поведал, что в его стране министерство юстиции было создано потому, что он закончил юрфак советского университета. Других юристов на обозримом пространстве не наблюдалось. На семинаре африканскому министру нужно было выступать с докладом, который и предстояло написать аспиранту Никитину.

«Рожденный в субботу» Кваме – так дословно переводилось его имя – на парочку выходных решил смотаться в Казань, провести университетских друзей, в основном, конечно – подруг, и больше его Сергей не видел. Но одна из фраз, которую походя обронил новоиспеченный африканский блюститель законов, напрочь засела в голове. Через несколько дней напряженных размышлений аспирант Сергей Николаевич Никитин представил заведующему кафедрой новую тему своей будущей диссертации. «Правовые основы революционных движений в колониальных странах Африканского континента», было начертано на титульном листе научного плана.

Дальнейшие события развивались стремительно. Поскольку речь шла о коммунистических движениях в африканских странах – тема для советских партийных идеологов чрезвычайно щепетильная и вместе с тем болезненная, кафедра обязана была согласовать научную инициативу аспиранта в соответствующих инстанциях. Оттуда информация пошла «наверх» и никому не ведомыми путями попала на глаза не кому иному, как «серому кардиналу» – члену политбюро и секретарю ЦК КПСС Михаилу Андреевичу Суслову, рьяному опекуну всей международной коммунистической голытьбы.

Никитина освободили от всех иных обязанностей. Через полгода, когда шло заседание Высшей аттестационной комиссии, того самого пресловутого ВАКа, страх перед которым

лишал сознания многих ученых мужей, в зал заседаний вбежал раскрасневшийся ученый секретарь, что-то шепнул на ухо своему шефу и, тот несмотря на чрезмерную грузность, сорвался с места так стремительно, что листки бумаги со стола на пол полетели. Вернувшись в зал, председатель с торжественностью – даже некие нотки, присущие разве что легендарному диктору Левитану прозвучали в его голосе – объявил своим коллегам, что «член политбюро, секретарь ЦК КПСС товарищ Михаил Андреевич Суслов считает работу аспиранта Никитина Сергея Николаевича чрезвычайно важной и полезной для дальнейшего укрепления коммунистического движения в развивающихся странах». Все в благоговении молчали. И только старый академик Феликс Аркадьевич Дорман своим несносным фальцетом поинтересовался, как могла не утвержденная ВАКом диссертация попасть пред светлые очи товарища Суслова. Академику уже перевалило за восемьдесят пять, он прошел ГУЛАГ и еще много чего такого, о чём и вспоминать-то не хотелось, а потому мог позволить себе такую роскошь, как высказывать вслух собственные мысли и суждения. Правда, и его, Дормана, который никого и ничего не боялся, никто уже давно всерьез не воспринимал. Реплики старого академика эффекта производили не более, чем скрип отодвинутого стула. За утверждение диссертации члены ВАК проголосовали единогласно и дружно поздравили Сергея Николаевича Никитина с присуждением ему ученой степени «кандидат юридических наук».

Через три года доктор юридических наук Сергей Николаевич Никитин занял пост проректора академии общественных наук при ЦК КПСС – этакой элитной «теплицы», где под неусыпным взором все того же Суслова взращивали и пестовали руководящие кадры компартий разных стран и народов.

Пока Сергей Николаевич строил карьеру, Зизи, оказавшаяся прекрасной женой и матерью, без устали вила семейное гнездышко. Две дочки и сын требовали неустанного внимания заботливой матери. Особенно младшенький, Коленька, в котором Зизи души не чаяла. Старшие дочки частенько даже ворчали с нескрываемыми ревностью и обидой: «мама ты нас в колькиных нянек превратила», но вынуждены были подчиниться – хохотушка Зизи оказалась нестигаемым семейным диктатором. Даже невесту своему любимчику она присмотрела сама. Если учесть, что маменькин любимчик тогда еще только в детский садик ходил и едва-едва научился сам штанишки снимать, то можно понять, как денно и ночью заботилась Зизи о сыне.

Дочь работника союзного Совмина Наташа была «вполне достойной партией» для её любимца. О судьбоносном решении Зинаиды Васильевны детишки, понятно, ничего не ведали. В детском саду их кровати и горшки стояли рядом, школьниками они неведомым для них образом оказывались в одной смене в пионерлагере «Артек», или, вместе с мамочками (отцам, понятное дело, было недосуг), проводили лето на детских курортах Анапы.

Высокое положение отцов обеспечивало жизнь вполне себе беззаботную. Коля и Наташа привыкли, что все их проблемы решаются сами по себе. Собственно, слово «проблема» в их лексиконе в те годы отсутствовало по определению. Сами по себе распахнулись двери вузов, а потом и высшей комсомольской школы ЦК ВЛКСМ, где они учились. Вот только в райкомах комсомола им пришлось работать разных – негоже мужу и жене вместе руководить молодежью одного и того же района...

В стране между тем происходили события, которые, как известно, в итоге привели к тому, что географическое и политическое образование, занимавшее одну шестую часть земной суши под названием СССР, отмеряло последние дни своего существования. Занимавший по-прежнему номинальную должность проректора Академии общественных наук профессор Сергей Николаевич Никитин к тому времени и сам превратился в некоего «серого кардинала».

В многочисленных книгах и фильмах девяностых годов авторами охотно эксплуатировалась тема несметных партийных богатств КПСС, которые переправлялись и оседали на сче-

тах зарубежных банков. В этих произведениях по книжным страницами и на экранах бегали, стреляли, убивали и взрывали друг друга, оказывались в самых острых ситуациях агенты-супермены. Каждый из них был в состоянии уничтожить десятки врагов, стоящих у них на пути и остаться в живых, сохраняя, как собственную жизнь, доверенный родиной и прикованный к руке стальным наручником неприкосновенный чемоданчик-дипломат, в котором хранились богатства партии. Те самые богатства КПСС, что были и впрямь неисчислимыми. Однако деньги, как любят повторять люди, их имеющие, любят тишину. Секрет, который приходится отстаивать выстрелами и взрывами, очень быстро перестает быть секретом. А деньги партии – сие тайная великая была и есть. И одной из главных, можно сказать, ключевых фигур в этом деле сохранения финансовых операций КПСС был скромный проректор академии Сергей Николаевич Никитин. Это непосредственно ему подчинялись многочисленные, чаще всего, с виду совсем неприметные люди, а никакие не супермены, которые петляя так, что маршруты их проследить было невозможно, доставляли куда следует и наличные деньги, и золотые слитки.

Выдвинутый на эту позицию еще Сусловым, Никитин немедленно присягнул на верность другу юности Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Надо отдать Сергею Николаевичу должное, он не дрогнул даже тогда, когда у Горбачева возникли разногласия со всесильным и грозным шефом КГБ Андроповым. И руководствовался, понятно, отнюдь не эфемерным дружеским кодексом, а исключительно прагматическим расчетом. Так опытный игрок на ипподроме, хорошо зная конъюнктуру, все же вынужден рисковать, выбирая из фаворитов ту единственную лошадь, которая по его расчетам финиширует первой.

Точно таким же холодным рассудком руководствовался Сергей Николаевич, когда через несколько лет предал своего друга, перейдя в стан нахрапистого громогласного уральца Ельцина.

- Пока Миша будет листать своего обожаемого Ленина, ища ответы на свои вопросы, Боря свернет ему шею так быстро, что он и пикнуть не успеет, - цинично рассуждал Сергей Никитин, делясь своими мыслями с Зизи. Ей, единственной, да и то нечасто, доверял он свои мысли, цenia, что супруга, несмотря на внешнюю беспечность, молчать умеет. – Кстати, пора нашему Кольке делом заняться. «Не расстанусь с комсомолом», как поет Кобзон – об этом надо забыть. Нерoven час вместе со своими комсомолятами в какой-нибудь криминальный бизнес вляпается. Нам это ни к чему.

- А к себе ты его взять не можешь? – спросила не на шутку встревоженная Зизи. – Сейчас, вроде, к этому уже не так строго относятся, чтобы сын вместе с отцом работал.

Сергей Николаевич поднялся, собираясь уже выйти из комнаты, где они чаевничали. Но неожиданно остановился, подошел к жене, внимательно глянул ей в глаза, поцеловал в щеку, чего не делал уже давно:

- Умница, право слово, умница. Как мне самому такая мысль в голову не пришла? Ну, значит, так тому и быть.

Глава четвертая

Сосед Никитиных по даче генерал Леонтьев был, как две капли воды, похож на известного артиста Олега Табакова. И это сходство всячески подчеркивал. В одном из фильмов начала девяностых Олег Павлович сыграл коллегу Леонтьева – генерала КГБ, который у себя на даче косит траву. Образ, созданный народным артистом, настолько запал в душу Виталию Владимировичу, что тот немедленно засеял у себя на даче изрядный участок густой травой и приобрел самую настоящую деревенскую косу, которую ловко научился оттачивать до остроты бритвенного лезвия.

Лялька знала, что отца с генералом связывают не только соседские отношения. Виталий Владимирович частенько к ним заглядывал, всякий раз они уединялись в кабинете у хозяйки, неизменно расставляя доску с уникальными шахматными фигурками из слоновой кости – подарок деду на юбилей то ли от какого-то арабского шейха, то ли от короля. Впрочем, мужчинам было явно не до игры: шахматные фигурки оставались нетронутыми. В этом Ляльке, которая уже давно поднаторела расставлять всякие проверочные ловушки, убедиться не представляло ни малейшего труда.

Именно к соседу-генералу и направилась девушка, когда твердо решила, кем хочет стать в этой жизни. Леонтьев, как обычно в минуты отдыха и хорошего расположения духа, предавался своему любимому занятию, помахивал косой и распевал, не особо сдерживая голос, приличествующую случаю песенку из «Бриллиантовой руки», изрядно подправив текст на собственный манер:

«На поляне траву зайцы в полночь косили

И при этом напевали гимн СССР».

Тщательно продумав своё поведение, на голос охранника в домофоне она отрекомендовалась строго: «Соседка, Елена Николаевна Никитина», а когда металлическая дверь распахнулась, прошла по тропинке, остановилась поблизости и четко отрапортовала: «Здоровья желаю, товарищ генерал-полковник». Леонтьев, опираясь на косу, удивления от такой неожиданной встречи никак не проявил, промурлыкал, ну точь-в-точь Табаков: «Что ж, и тебе, детка, желаю здоровья». Слово «детка» её покорило, но сейчас было не до амбиций. Генерал после приветствия замолк, только улыбался, глядя хитрым прищуренным взглядом. Но она и к такому развитию событий была готова.

- Виталий Владимирович, у меня к вам важное дело.

- Понятно, что важное, - вновь промурлыкал он. – Чего б иначе такая юная особа к трухлявому пню заявила. Что, кто-то из одноклассников с наркотой попался? Или чего еще похуже? Так это не по моему ведомству, это тебе через две дачи, к замминистра МВД надо, - в голосе его звучали явно смешливые нотки. Или ты с ним не знакома?

- Никто никуда не попался, и ни к какому замминистру МВД мне не надо. Он сам к нам вчера заходил, они с мамой чаевничали, так что я с ним знакома.

- Э, нет, лукавишь, - продолжал балагурить генерал. – Они с твоей мамой кофий пили, а не чаевничали. Да не делай ты таких глаз, никто за ними не следил. Просто запах отменного кофе над всем нашим посёлком витал.

Генерал умышленно обволакивал девчонку словесами, чтобы сбить с толку, но Лялька не поддалась, заявила с твердой решимостью, снова обращаясь к нему по званию:

- Товарищ генерал, у меня к вам серьезный разговор личного характера.

- Ну, коли серьезный и личный – милости прошу, - он направился в сторону веранды. – Квасу попьём, отменный квасок у меня приготавливают, по старинной русской рецептуре, с хреном, мёдом, изюмом, на настоящем ржаном хлебушке...

- Виталий Владимирович, - заявила она генералу, едва они устроились в плетенных креслах. – Я твердо решила: хочу стать разведчиком-нелегалом. И прошу направить меня на учебу в соответствующее учебное заведение.

- Вот так вот, и никак не иначе? Именно разведчиком и именно нелегалом. Чем же, позвольте полюбопытствовать, вызвано ваше, прямо скажем, не совсем обычное решение? – теперь он говорил строго, смотрел твердым взглядом и она впервые увидела в этом человека не просто всегда приветливого и улыбчивого соседа, а действительно многозвездного генерала, привыкшего отдавать команды.

- Я давно поняла, чего хочу, проверяла себя неоднократно, тренировала память, языки учила, английский, французский, испанский...

- То есть, всё для себя решив, ты уже начала готовиться, правильно я понимаю?

- Именно так.

- А родители о твоём выборе знают? Николай Сергеевич в курсе?

- Я считала, что этот секрет могу доверить только вам, как специалисту. А им об этом пока знать не надо. Может быть, им вообще об этом знать ничего не нужно...

- Ага, - хмыкнул генерал, - стало быть, и о конспирации ты позаботилась, предусмотрела, так сказать, что будешь работать «под прикрытием».

- Вы правильно меня поняли.

- Вот, что я тебе, Ляля, скажу. Решение твоё меня, конечно, удивило, не скрою. Но я тебе помогу. Хотя ты не совсем верно представляешь себе процесс подготовки. Сегодняшний разведчик – это прежде всего образованный человек, обладающий самым широким спектром знаний. Вот тебе лично какие из школьных предметов больше всего нравятся?

- Иностранные языки мне легко даются и учу с удовольствием. А вообще мне кроме литературы из школьных предметов ничего не нравится, - безапелляционно заявила девушка. – Я считаю, что в книгах можно получить ответ на любой жизненный вопрос.

- Ну, на любой вопрос ответов в мире вообще еще не найдено, - вздохнул генерал, - но книги – это действительно хорошо. Вот что я подумал. Тебе надо поступить на факультет журналистики. Только не в МГУ, а в МГИМО. Журналистика - это такой вид деятельности, который даёт неограниченные возможности для самых разнообразных контактов. Умению налаживать связи, получать нужную информацию у хорошего журналиста даже специалистам нашего профиля поучиться можно. Языки продолжишь изучать, на международной журналистике для этого все возможности есть. Ну и, не скрою, будешь все эти годы у нас под присмотром. Ну, а что с родителями решим, что им скажем?

- Отец меня уже спрашивал, куда я хочу поступать. Скажу ему, что хочу на журфак МГИМО, он только рад будет, что ему голову ломать над моими проблемами не надо.

- Договорились, кивнул генерал.

В этот момент на веранде зазвони телефон. Генерал поднял трубку: «Здесь Леонтьев, - молча слушал, потом произнес единственное слово, - выполняйте, - и трубку повесил.

- Как-то вы смешно, нет, не смешно – необычно сказали: «здесь Леонтьев», прямо как в кино: «здесь Штирлиц», - заметила Лялька.

- Долго в Германии работал, там так принято отвечать по телефону, привычка осталась, - недовольно буркнул генерал, но тут же улыбнулся, - а память и наблюдательность у тебя и впрямь неплохие.

- Виталий Владимирович, давно у вас спросить хотела, но все не решалась...

- Ну, спрашивай, - благодушно позволил генерал, ты же сегодня моя гостья.

- А зачем вы траву косите?

- Прекрасная зарядка, как для дела, так и для мозгов.

- А при чем тут мозги? – не поняла Ляля.

- В принципе тупая механическая работа – влево, вправо. А голова свободна, думается легко. Но чтоб ты запомнила для чего траву косить надо, я тебе притчу расскажу. Приходит к кузнецу смерть и говорит: «Поточи мне косу». Кузнец точит и горюет: не иначе за ним смерть явилась, да еще глумится, заставляет косу точить. Закончил работу, смерть забрала косу и уходит. Кузнец понял, что она не по его душу приходила, кричит ей вслед: «Смерть, а смерть, зачем ты людей забираешь?» А смерть ему отвечает: «Это не я, а вы, люди, друг друга уничтожаете – войнами, убийствами, злостью, ревностью. Пока ждала, что вы одумаетесь, погляди, в какую старуху превратилась. Так что никого я не забираю, просто траву кошу, а то дорога в рай совсем заросла».

Генерал Леонтьев не напрасно выпрашивал юную соседку, знают ли родители о её жизненных планах. Вмешиваться в личную жизнь семьи Никитиных всё равно, что совать голову в пасть изголодавшемуся тигру. Уж кому-кому, а генералу службы внешней разведки было хорошо известно, какое фактическое место занимает Николай Сергеевич Никитин в структуре высшего руководства страны. Не номинальное, а именно фактическое. Должность-то у соседа как раз невелика, но он решал такие финансовые вопросы и пользовался таким влиянием и возможностями, что чиновники самого высокого ранга у него в кабинете стояли навтыжку. Даже то, что загородные дома генерала СВР Леонтьева и государственного чиновника Никитина оказались соседствующими, к явной зависти замминистра МВД, отнюдь не было случайностью.

После долгих размышлений Виталий Владимирович улучил момент, и на банкете в одном из посольств бывшей советской республики, а ныне очень независимого и гордого государства, где они оказались вместе, сказал, как о чем-то пустяшном: «Тут недавно ко мне твоя дочь заходила...»

- Знаю, - перебил его Никитин. - И благодарен тебе. Она говорит о журфаке и думать не думала, а вот сосед подсказал и ей идея понравилась. В своем отечестве пророков нет, а сосед посоветовал – значит, надо прислушаться. Ворчу, ворчу, не обращай внимания...

Леонтьев долго размышлял, насколько глубоко посвятила дочь отца в свои жизненные планы и стоит ли ему в подробностях передавать их недавний разговор. Но пока решил воздержаться. «А девчонка-то умнее, чем я думал, сделал вывод генерал. Надо к ней и впрямь повнимательнее присмотреться».

Московский государственный институт международных отношений, чьи новые корпуса вольготно расположились на проспекте Вернадского, как был со времен своего основания, так и остался вузом элитарным. Но если в советские времена элиту преимущественно составляли детишки высшей партийной номенклатуры, то теперь МГИМО гостеприимно распахнул свои двери и для отпрысков нуворишей. Непосвященному, впервые проезжавшему или проходившему возле МГИМО, могло показаться, что это не вуз, а выставка уникальных автомобилей. Владельцы этих машин, преимущественно студенты, чью речь отличало гортанное произношение, излишним посещением лекций себя не обременяли. Диплом престижного вуза был такой же деталью из аксессуаров современного представителя «золотой» молодежи, как модная одежда, дорогая автомашина, эксклюзивные часы, привлекательная, и не особо взыскательная, подружка. Для получения диплома вовсе не обязательно было скучать на нудных лекциях. Современная высшая школа, мимикрируя в условиях современного необузданного российского капитализма, разработала множество способов, как избавить любителей легкой жизни от нелегких студенческих проблем, связанных с долгим пребыванием в аудиториях, ведением конспектов, сдачей экзаменов и зачетов.

С одним из таких юных и горячих джигитов Лялька столкнулась уже через пару дней после начала занятий. Вместе с сокурсницей Диной вышли из здания, когда прямо возле них

пронзительно и очень смешно заквакал клаксон ярко зелёной, цвета лягушки, спортивной машины. Девчонки рассмеялись, а из машины, весело улыбаясь, им махал рукой темноволосый парень. «Поехали, покатаемся, познакомимся, шашлик-машлик покушаем, вино попьем», предложил он. Дина вопросительно посмотрела на Лялю. Та отрицательно помотала головой: «Сегодня не могу, мне надо на Ленинский проспект, в фитнес-клуб подскочить, у меня там встреча, и так уже опаздываю».

Парень, услышав слова девушки, выскочил из машины, гостеприимно распахнул дверцу: «»Зачем опаздывать, садись дорогая, здесь рядом, за минуту домчу. Дина протиснулась на заднее сиденье, Ляля устроилась рядом с молодым водителем. Машина резко рванула с места. Когда вихрем пронеслись мимо фитнес-клуба, Ляля поняла, какую совершила ошибку и потребовала немедленно остановить машину. Нахал даже головы в её сторону не повернул, он лишь увеличил громкость музыки, теперь динамики надрывались так, что хоть кричи – не услышишь. Девушка попыталась открыть дверь, но двери, естественно, были заблокированы. Увидев это движение, парень ухмыльнулся и хозяйским жестом положил ей руку на колено.

Остановилась машина только возле загородного ресторана. Их спутник, как ни в чем не бывало, протянул руку, помогая выйти и тут же, получив удар, согнулся от нестерпимой боли. Ляля уже несколько месяцев занималась с инструктором рукопашного боя в домашнем спортзале, не сильно пока преуспела, но болевой приём провела безукоризненно. Сен-сей был бы доволен. От ресторана как раз отъезжало такси, и Ляля устремила к машине. Дина ехать с ней отказалась.

Утром сокурница поджидала Лялю у входа в институт.

- Ты чего наделала?! – даже не поздоровавшись застрекотала она. – Ты знаешь, кто его отец? Да у него столько нефти, что он в ней такой город, как Москва, утопить может.

- Пусть лучше сам утопится, а заодно и сыночка своего утопит, - резко осадила Никитина. Краем глаза она увидела, как к ней направляется молодой мужчина в строгом темном костюме.

Подойдя, он наклонил голову в приветствии, отменно вежливо спросил: «Позвольте два слова?...» Ляля кивнула.

- Госпожа Никитина, - заговорил незнакомец. – Вчера произошел досадный инцидент, о котором родители молодого человека, вас незначай обидевшего, весьма сожалеют. Дело в том, что Вахид совсем недавно в Москве, не вполне еще разобрался в правилах хорошего тона. Если он и совершил бестактность, то поверьте, не от злого умысла, а по незнанию. Если можно, мы просим вас забыть об этом и поверьте, больше он вам докучать не будет. – И он протянул ей обшитую малиновым бархатом продолговатую коробочку, в каких упаковывают ювелирные изделия.

«Не сомневаюсь», - надменно обронила девушка и, не обращая внимания на протянутый подарок, вошла в здание.

Накануне вечером, вернувшись домой, она набрала известный номер телефона и позвонила Димочке - только так к нему все и обращались - помощнику отца, который решал для семьи Никитиных все бытовые и, скажем так, щепетильные вопросы. Мадам Никитина называла Димочку «наш добрый домовой». Помощник выслушал дочь хозяина, задал несколько уточняющих вопросов и повесил трубку. Ляля не сомневалась, что проблемы по имени Вахид для неё больше не существует. Перед мысленным взором она рисовала картины полного унижения этого сопляка, отцу которого уже наверняка объяснили «ху есть кто».

Бал, посвященный началу учебного года, первокурсница Никитина ждала с особым нетерпением. Если для большинства студентов эта была очередная увеселительная вечеринка, то для неё, в первую и главную очередь, возможность увидеть в одном месте студентов самых разных курсов и факультетов. Ох, как она была хороша в этот вечер! Причёска, макияж, одежда, обувь, сумочка, украшения – всё продумывалось с особой тщательностью. Мелочей

в этой подготовки не существовало, каждая деталь, включая крошечный блокнотик змеиной кожи с золотой застежкой, чтобы записывать номера телефонов, все имело своё значение, всему отводилась незаменимая роль.

Уже через месяц она пожинала плоды. Её «рабы», так она называла парней-однокашников, угождали во всём. Принести нужную книгу, конспект, стакан кофе или сэндвич, сопровождать на выставку или кинопремьеру – со всех ног и опережая друг друга. По сути дела, эта свита была настоящей агентурной сетью, которую Никитина сплела ловко, быстро и очень прочно, упиваясь своей безраздельной властью над парнями. О жизни института, секретах и подноготной студентов, их семей, преподавателей Никитина теперь знала во сто крат лучше, чем пресловутый первый отдел.

«Рабы» награждались в зависимости от оказанных услуг. Никаких симпатий и предпочтений, только адекватная оценка оказанной услуги. Она даже собственную пятибальную шкалу оценок и поощрений установила для своих «рабов»:

«Неуд», «двойка» - конспекты лекций, соответственно - поощрительная улыбка;

«удовлетворительно», «троечка» - контрамарки на кинопремьеру, ничего не значащий поцелуй в щечку. Если контрамарка на событие, куда рвется «вся Москва» - совместное посещение;

«хорошо», «четверка» - информация о скрытой стороне жизни студентов, преподавателей и профессоров МГИМО – увлечение наркотиками, всякого рода извращения, криминальные истории, сомнительные связи. Всё это в порядке все того же поощрения Лялька выслушивала в модных кафе, клубах, куда благосклонно разрешала пригласить себя информатору.

Оценки «отлично», то бишь «пятерки» достаивались лишь те, кто мог сообщить интересные сведения о сильных мира сего. Сыночки высокопоставленных родителей, сумевшие подслушать, подсмотреть или иными способами узнать то, чего знать не полагалось никому и притащившие в клюве эту информацию, поощрялись особо – допускались к телу.

Глава пятая

Опыт со школьным учителем рисования не прошел для неё даром. Она отнюдь не считала себя ущербной, и даже специально прошла ряд обследований, убедившись, что с эстрогенами, тестостероном и прочими половыми гормонами, отвечающими в организме за сексуальность, у неё в полном порядке. Но выводами, которые столь юная особа сделала самостоятельно, могла бы гордиться и куда как более умудренная жизненным опытом женщина, к тому же владеющая, как минимум, основами психологии. Во-первых, Ляля совершенно ясно поняла, что «медовая ловушка» слишком сильное оружие, чтобы стрелять из него «по воробьям». Но, что было для неё гораздо более важным, она чётко осознала, что способна управлять собственным телом и эмоциями так, как это нужно ей. И помогла девушке в этом понимании её мать - Наталья Леонидовна.

...Родители воспитывали доченьку Наташу в строгости, баловали умеренно и не просто так, а исключительно в качестве награды за что-то конкретное. Прочитала стишок – получай конфетку, закончила школьную четверть на «отлично» - можешь рассчитывать на обновку. Раннее «сватовство» с Коленькой, дружочком с соседнего горшка, серьезно ограничивало девочку в общении с другими сверстниками. И только оказавшись на учебе в высшей комсомольской школе, Наташа вдруг увидела такие яркие краски жизни, о которых не ведала и потому даже не грезила.

Нравы в коммунистическом союзе молодежи с момента его создания были самыми вольными. На заре становления организации комсомолкам внушали, что от них требуется безоговорочное подчинение вышестоящему вожаку, который имеет право потребовать (не попросить, а именно потребовать!) от комсомолки интимной близости. В первые годы после октябрьского переворота поистине сексуальную революцию в стране пыталась осуществить идеолог всероссийского блядства большевика Александра Колонтай, особа весьма почитаемая за свои прогрессивные взгляды Лениным. Сама Александра Михайловна, дабы преподнести женщинам страны Советов наглядный пример, меняла любовников с калейдоскопической быстротой и легкостью, в итоге убедила одного из очередных мужей, что её новый любовник должен жить вместе с ними и тоже на правах законного мужа: семья из трех человек представлялась Колонтай идеальной ячейкой общества будущего. Деятельность Колонтай приняла столь устрашающий размах, что от нее избавились, сослав в почетную дипломатическую ссылку в Швецию. Пуританская должность чрезвычайного и полномочного посла опутала «Валькирию революции», как её за глаза называли соратники, по рукам и ногам. Колонтай несколько утомилась и впоследствии меняла уже не любовников, а мужей. Однако бесплотная тень Александры Колонтай еще много десятилетий незрима витала над её распутными потомками из передового отряда советской молодежи, как именовали тогда комсомол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.